

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Работа представлена кафедрой политологии

Статья посвящена раскрытию сущности дискуссий вокруг понятия «терроризм» и тех специфических характеристик, которые присущи современному терроризму. Со времени окончания «холодной» войны все очевиднее стало, что основная угроза миру исходит не от возможного военного столкновения государств, а от террористов, имеющих возможность получить доступ к все более разрушительному оружию. И хотя по вопросу об определении, какие конкретные действия подпадают под определение «терроризма», существуют серьезные разногласия, общая точка зрения заключается в том, что он представляет собой в первую очередь политический феномен. Следовательно, и контртеррористические стратегии и механизмы, используемые демократическими государствами, должны носить, главным образом, политический характер. Одна из наиболее сложных задач заключается в том, чтобы разработать модель противостояния терроризму, которая была бы совместима с гарантией прав и свобод граждан, демократическими нормами и принципами.

Ключевые слова: *терроризм, политический конфликт, контртеррористические стратегии, права человека, гражданские свободы.*

I. Lupпов

MODERN TERRORISM AS A POLITICAL PHENOMENON

The article reveals the definition and specific characteristics of contemporary terrorism. After the end of the Cold War it became evident that the next challenge facing the world would not be a military conflict between different states but the growing threat of terrorists having access to increasingly destructive weapons. Although there is a lot of disagreement on particular actions constituting terrorism, the fundamental concept is that terrorism has a political nature. Correspondingly, the character of counterterrorism strategies and mechanisms used by democratic states should also be political. One of the crucial tasks is to develop a model of counterterrorism that is consistent with human rights and civil liberties, democratic norms and principles of legitimacy.

Key words: *terrorism, political conflict, counterterrorism strategies, human rights, civil liberties.*

Конец XX – начало XXI в. – это период опасного социально-политического явления, серьезных изменений терроризма как крайне роста его угроз для безопасности современ-

ного мира. Под прямым или опосредованным влиянием различных по характеру социальных противоречий и конфликтов разного уровня терроризм трансформируется как по своему внутреннему содержанию и формам, так и по его взаимосвязям с другими деструктивными явлениями современности.

Международный терроризм поставил перед демократическими государствами ряд крайне сложных проблем, затрагивающих сами основы их политического устройства. Транснациональный характер деятельности террористических организаций делает необходимым согласование базовых позиций между государствами, которые при общей приверженности демократическим принципам по-разному реализуют их на практике. При этом на повестку дня встает вопрос о достижении определенного консенсуса не только между различными государствами, но и между государством и обществом в отдельной, конкретно взятой стране. Основная проблема заключается в том, как на практике достичь высокого уровня эффективности в борьбе с терроризмом, одновременно сохранив существующие достижения в сфере прав и свобод граждан, подотчетности и контроля со стороны общества за структурами государственной власти, включая полицию и спецслужбы.

Первая проблема, с которой сталкиваются и исследователи, и практикующие политики, – это определение самого понятия «терроризм». Дело в том, что в настоящее время существует множество определений, категорий и восприятий этого термина. При этом, как справедливо отмечает Алекс Шмидт, «вопрос об определении такого понятия, как терроризм, не может быть оторван от вопроса о том, кто дает определение» [10, р. 104].

В то же время, несмотря на различия в определениях, существует и ряд общепризнанных моментов, а именно: политическая мотивированность, осуществление группой, а не одиночками, отдельные акты являются частью более широкого стратегического плана, направленность на гражданских лиц, не форма ведения военных действий. Однако существует и ряд спорных моментов, в том числе имеющих принципиальное значение.

Так, американский политолог Филипп Хейманн считает, что терроризм это «политическое насилие внутри или против истинных демократий» [7, р. 6]. В связи с этим сразу же возникает ряд весьма острых вопросов. Во-первых, каковы критерии отличия «истинных» демократий от «неистинных»? Во-вторых, отличается ли терроризм от других видов криминального поведения – иначе говоря, что важнее мотивация преступников или результаты их действий? В-третьих, представляет ли терроризм способ ведения военных действий против правительства или деятельность в период мира? Хейманн делает вывод о том, что «терроризм представляет собой нелегальную форму тайной войны, которая ведется суб-государственной группой с целью изменения политики, персоналий, структуры или идеологии правительства или для оказания влияния на другую часть населения – с иной самоидентификацией – в качестве ответа на селективное насилие» [7, р. 9]. Кроме того, возникает и вопрос о том, можно ли считать терроризмом действия государств, которые терроризируют собственное население?

Пол Уилкинсон также подчеркивает политические цели терроризма, отмечая, что это прежде всего «систематическое и преднамеренное использование насилия для создания атмосферы страха с политическими целями. Во-вторых, это насилие, направленное на более широкую целевую аудиторию, чем непосредственная жертва. В-третьих, как следствие более широкой целевой аудитории терроризм неизбежно включает в себя случайность и символичность мишеней, включая гражданских лиц. В-четвертых, он включает в себя ненормальные в буквальном смысле этого слова средства – сознательное нарушение общественных норм, касающихся конфликтов и дискуссий, и политическое поведение, направленное на создание атмосферы страха и эксплуатация этого страха для целей террористов [15, р. 156]. По мнению Питера Чока, цель терроризма разрушить социальный «status quo». Его разрушительные действия нацелены на то, чтобы «...в долгосрочной перспективе постепенно уничто-

жить структурную поддержку, которая, в конечном счете, и придает обществу его силу» [4, р. 95]. Синди Комбс определяет терроризм как «синтез войны и театра, драматизацию наиболее запрещенного вида насилия – насилия, предназначенного для невинных жертв, – разыгрываемую перед аудиторией в расчете на создание настроения страха, с политическими целями» [6, р. 8]. Баджхлит Сингх делает вывод о том, что терроризм – это «угроза или использование символических актов насилия, направленных на изменение общественного поведения» [13, р. 7].

Таким образом, все эти определения предполагают наличие политической цели проведения террористических актов, и эти акты выходят за рамки нормальных политических связей, поскольку включают в себя символическое насилие, направленное обычно против невинных жертв, чтобы ослабить связи, существующие между легитимным правительством и обществом.

В современной российской научной литературе под «терроризмом» обычно понимается использование насилия или угрозы его применения в отношении отдельных лиц, группы лиц или различных объектов с целью достижения политических, экономических, идеологических и иных выгодных террористам результатов. Таким образом, терроризм представляет собой одну из разновидностей социального насилия как неотъемлемого элемента социального бытия, сопровождающего человечество на всем протяжении его развития и присутствующего в той или иной степени на всех уровнях общественных отношений – от межличностных до межгосударственных.

В отличие от своих зарубежных коллег отечественные специалисты в сфере общественных наук стремятся проводить четкое разграничение между понятиями «террор», «терроризм», «террористический акт». Если под словом «террор» подразумевается тоталитарный режим, когда происходит насилие правящих властных структур над широкими массами. Слово «терроризм» имеет совершенно иной смысл, означая стремление к устрашению и насилию над большинством,

осуществляемое меньшинством, считающим себя жертвой сложившихся в данном обществе общественных отношений. В результате «террористический акт» – это уже осуществленный процесс применения насилия в отношении неопределенного круга граждан, с целью шантажа отдаленного объекта ради достижения своих политических или экономических целей.

Можно предположить, что в ближайшее время вряд ли стоит ожидать выработки общепринятого понимания терроризма, что связано, с одной стороны, с идеологической обусловленностью оценки данного феномена, с другой – столкновением не только различных концептуальных подходов, но и разнообразных методологий.

Однако вне зависимости от того, какое точное определение мы дадим терроризму, очевидно, что этот феномен можно проследить далеко вглубь веков. В связи с этим возникает закономерный вопрос: в чем же заключается специфика современного терроризма – терроризма XXI в.

На наш взгляд, эта специфика определяется следующими ключевыми моментами.

Первый фактор – это опасность получения террористами в свои руки оружия массового поражения. Еще в 1998 г. Эштон Картер, Джон Дейч и Филипп Зеликов предупреждали, что «опасность применения оружия массового поражения против Америки и ее союзников в настоящее время велика, как никогда раньше со времен Кубинского кризиса 1962 года» [3, р. 81]. Тогда же они предложили провести реорганизацию спецслужб США для противодействия «катастрофическому терроризму» и, более того, запретить во всемирном масштабе производство где-либо оружия массового поражения, что позволило бы, по их мнению, использовать «... силу национального уголовного права против людей, что было бы действеннее, чем использование международного права против правительств» [3, р. 86]. И хотя в теоретическом плане подобное решение выглядит весьма привлекательным, при попытке практической реализации его возникает множество трудностей, которые на данный момент,

даже после событий 11 сентября, вряд ли преодолимы.

Существует опасение, что террористы проявляют все больший интерес к оружию массового поражения для достижения своих целей. Собственно говоря, первый факт использования такого рода оружия, хотя, пока и в ограниченном масштабе уже произошел, когда в марте 1995 г. «Аум Синреке» осуществила зариновую атаку в токийском метро.

В 1970–1980-е гг. существовало достаточно устойчивое представление, что использование террористами оружия массового поражения (ОМП) будет контрпродуктивным, поскольку вызовет всеобщее осуждение и приведет к потере террористами общественной поддержки. «Террористы хотят, чтобы множество людей наблюдали за их действиями, а не умирали о них», – отмечал Брайен Дженкинс [11, р. 35]. Дженкинс исходил из предположения о том, что поведение террориста носит рационалистический характер. Однако в этот период наибольшую террористическую активность проявляли организации политического (преимущественно левацкого) или этносепаратистского характера. Большинство из них не было заинтересовано, чтобы каким-либо образом была подорвана симпатия к ним со стороны их этнической группы или других внешних и внутренних сил, оказывавших им материальную и моральную поддержку.

Однако когда речь идет о религиозных террористических организациях, все более становится очевидным, что это предположение вряд ли имеет под собой почву. Интересно отметить, что еще в 1970-е гг. некоторые аналитики предсказали, что первыми оружие массового поражения для совершения террористического акта применят религиозные секты с мессианскими или апокалипсическими идеями. Действительно, как показали уже 1990-е гг. религиозные фундаменталисты и группы, исповедующие новые религиозные культы, делают ставку на массовое уничтожение, стремясь максимизировать насилие по отношению к тем, кого они воспринимают в качестве своих врагов, деля мир четко на «они» и «мы».

При этом следует учитывать, что оружие массового поражения несет в себе не только идею уничтожения конкретных целей, но и разрушения социальных и политических связей. Роберт Банкер справедливо подчеркивает, что, например, применение биологического оружия, как и ядерного, «приведет к деградации и изменению взаимоотношений и связей внутри общества. Примеры такой деградации будут включать в себя потерю уверенности в компетентности правительства и возрастающее осознание отсутствия безопасности (в прямом смысле – ужаса) у граждан, которые будут ощущать нависшую над собой опасность» [2, р. 44].

Доступность оружия массового поражения также делает необходимым межгосударственное сотрудничество, которое хоть и не способно полностью решить эту проблему, однако может снизить уровень угрозы.

Другой фактор – это доступность информации, которая снижает власть национального государства, ведет к росту доступности негосударственных спонсоров терроризма, дает возможность использования информационных и компьютерных технологий для создания террористических сетей и совершенствования тактики террористических групп. Доступность информации разрушает иерархии, поскольку облегчает процесс коммуникации и координации. Американские исследователи Джон Арквилла и Дэвид Ронфельдт, описывая подобные информационные сети и те вызовы, которые от них исходят в адрес национального государства, используют весьма выразительный термин – «сетевая война». Для сетей характерна автономность, гибкость и высокий уровень адаптивности, а главное – они не подпадают под традиционную правовую ответственность. Особо следует подчеркнуть, что акторы «сетевой войны» по своей природе суб- и транснациональны [1, р. 194–195].

Проблема заключается здесь не только в том, что эти акторы используют преимущества доступных им информационных технологий, но и в том, что они стремятся разрабатывать новые доктрины и стратегии, основанные на их использовании. Так, например,

террористы могут своими атаками на Интернет нанести урон как функционированию органов государственной власти, так и поколебать уверенность граждан в надежности интернет-торговли. В самом использовании Интернета для коммуникации и пропаганды своих идей нет ничего революционного, однако своего рода «мгновенная глобальность» его придает всей ситуации совершенно иной характер. Дэвид Ронфельдт особо отмечает тот факт, что «сетевой подход все больше распространяется среди различных террористических и экстремистских группировок, и их лидеры много думают над тем, как извлечь для себя наибольшие преимущества из информационной революции» [12, p. 191].

Лоренцо Валери и Майкл Найтс называют это соединение терроризма и Интернета «наступательным информационным оружием», понимая под ним «набор действий, осуществляемых индивидуумами и/или группами, преследующими специфические политические и стратегические цели, с намерением нанести ущерб целостности, доступности и конфиденциальности данных, собранных, хранимых и передаваемых внутри информационных систем, соединенных с Интернетом» [14, p. 16–17].

В связи с этим совершенно очевидно, что государства, широко использующие эту информацию, становятся весьма уязвимыми для подобного рода террористических атак. Более того, негосударственный, сетевой и транснациональный характер такого рода террористических организаций значительно усложняет проблему их идентификации и соответственно их розыск. Совершенно очевидно, что в этом случае межгосударственное сотрудничество становится абсолютной необходимостью.

Все большую деструктивную роль в комплексе изменений терроризма играет его идейно-политическое и психологическое воздействие на общество благодаря средствам массовой информации. Еще в 1974 г. американский исследователь терроризма Брайан Дженкинс пришел к выводу, что «терроризм – это театр» [11, p. 36]. В свою очередь, Д. Гуттман [11, p. 42–43] подчеркивал, что террористические акты нацелены в первую очередь на

аудиторию, а не на непосредственных жертв. В конечном счете, именно аудитория должна будет удовлетворить требования террористов. Более того, в анализе Гутмана террористу нужна скорее либеральная, чем правая аудитория для достижения успеха. Либералы придают террористам респектабельность, признавая ту идеологию, которой те оправдывают свои действия. Террористам также необходимо наличие контроля либералов за СМИ для того, чтобы иметь возможность для распространения своей идеологии.

Абсолютно все террористы, захватывающие заложников, требовали предоставления им права выступить перед представителями средств массовой информации или права выступить в прямом эфире перед телезрителями и радиослушателями. Примерно после 95% совершенных терактов их организаторы звонят в редакции и берут на себя ответственность за совершенное преступление. Террористы, захватывающие заложников, очень часто требуют доставить им телевизоры, радиоприемники и даже свежие газеты, по которым они могут следить за реакцией на свои действия.

К примеру, Тимоти МакВей, взорвавший здание в американском городе Оклахома-сити, заявил на суде, что выбрал эту цель потому, что это было известное сооружение, расположенное посередине широкой площади, что позволяло добиться высокого качества фотоснимков в газетах и журналах, а также качественного изображения в теленовостях.

Эксперты считают, что террористические атаки 11 сентября 2001 г. были срежиссированы таким образом, чтобы достичь максимального пропагандистского эффекта. В качестве целей атак были выбраны символы Америки – здание Всемирного торгового центра и Пентагон. Аналогичным образом действовали и многие другие террористические группировки и даже отдельные террористы.

Большинство современных террористических организаций стремится обзавестись и собственными СМИ – примерно 80% из них содержат свои интернет-сайты, многие имеют радио- и телестанции.

Подобные акции жизненно необходимы для современного терроризма, который все больше приобретает своего рода «медийный» характер. При этом террористическими организациями одновременно решается ряд политических задач как стратегического, так и тактического характера.

В первую очередь речь идет о целенаправленном и массированном распространении экстремистской идеологии с целью приобретения единомышленников и сочувствующих среди широких слоев населения, что, помимо прочего, крайне важно террористическим структурам для обеспечения пополнения новыми участниками этих организаций и приобретения пособников. Важной задачей является и получение поддержки определенных политических кругов на международном и национальном уровнях; придание своей деятельности видимости легитимных политических и национально-освободительных движений, борьбы за права человека, за религиозные свободы и т. п. Такая практика используется, в частности, в попытках добиться признания за террористическими структурами статуса равноправных участников тех или иных международных или внутригосударственных политических процессов (переговоров и т. п.), для инспирирования давления в пользу террористов со стороны отдельных государств или групп государств, а также международных организаций на политику противников террористов (например, на законные власти «своего» государства).

Наконец, на появление новых характеристик терроризма влияет существующая глобальная тенденция к демократизации и тот уникальный вызов, который бросает демократии терроризм. В связи с этим возникает две проблемы. Во-первых, государства, переживающие процесс системной трансформации, весьма уязвимы для внутренних конфликтов, которые могут быть использованы террористами в своих целях. Эти государства по сути своей проходят начальную стадию государственного строительства, одной из типичных характеристик которой обычно является наличие нескольких центров силы, борющихся за верховенство, что

легко может привести к конфликту. В связи с этим возникает естественный вопрос: каким образом можно разрешить этот внутренний конфликт без отказа от принципов и практик либеральной демократии. Трудность разрешения этого вопроса, видимо, и приводит к тому, что среди новых государств существует немало нелиберальных, электоральных демократий.

По мнению Лари Даймонда, «...выборы – это только одно измерение демократии. Качество демократии также зависит от уровня свободы, плюрализма, справедливости и подотчетности». Он считает, что либеральная демократия должна характеризоваться наличием «свободы убеждений, слова, организации, демонстраций и других гражданских свобод, включая защиту от политического террора и несправедливого тюремного заключения; власти закона, при которой все граждане равны перед ним; политической независимостью и нейтральностью судебных и других институтов «горизонтальной подотчетности», которые контролируют злоупотребления властью, такие как избирательные комиссии, аудиторы и центральный банк; открытым и плюралистическим гражданским обществом, включающим в себя не только ассоциации, но и средства массовой информации; и гражданский контроль за военными [8, p. 414–415].

Ключевую роль в развитии и поддержании этих проявлений гражданских свобод, правовой государственности, гражданского общества и гражданского контроля играет демократическая политическая культура. Именно она, по мнению Фрэнсиса Фукияды, решит судьбу успешного перехода к демократии [9, p. 56]. Справедливость подобной точки зрения подтверждается тем фактом, что рост числа электоральных демократий, наблюдаемый сегодня в мире, сопровождается сокращением гражданских свобод. При этом последнее касается не только «незрелых», но и развитых демократий. Именно для последних терроризм представляет собой основную угрозу для сохранения либеральных ценностей.

При всех разногласиях по поводу точного определения терроризма общая точка зрения заключается в необходимости поддерж-

ки обществом действий государства по предупреждению и борьбе с терроризмом. Общественный консенсус по данному вопросу важен в нескольких отношениях. Во-первых, борьба с терроризмом не должна привести к девальвации либеральных ценностей из-за установления порядков своего рода «полицейского» государства. Как справедливо подчеркивает Гор Уордлоу, «опасность лежит в возможности сделать за террористов их работу, осуществляя ненужные меры по борьбе с предполагаемой угрозой и тем самым изменяя коренным образом природу демократии» [5, p. 6]. Проводя сравнительный анализ антитеррористической деятельности

различных государств, приходится признать справедливость утверждения о том, что «политическая культура в большей степени, чем какой-либо иной фактор, определяла и продолжает определять демократический ответ на угрозу... терроризма» [5, p. 225].

В свою очередь, именно политическая культура – культура сознания, поведения и функционирования институтов политической системы, отражающая легитимизацию обществом своих политических лидеров и проводимой ими политики, и становится основной мишенью современного терроризма, стремящегося к внесению хаоса в общество, расколу общественного мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arquilla J. and Ronfeldt D.* The Advent of Netwar: Analytical Background // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1999. Vol. 22, 3. July-September. P. 183–199.
2. *Bunker R.* Weapons of Mass Disruption and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Spring 2000. Vol. 12, 1. P. 44.
3. *Carter A., Deutch J. and Zelikow Ph.* Catastrophic Terrorism: Tackling the New Danger // *Foreign Affairs*. 1998. November/December. P. 71–89.
4. *Chalk P.* West European Terrorism and Counter-Terrorism: The Evolving Dynamic. New York: St. Martin's Press, 1996. 232 p.
5. *Charters D.* (ed.) The Deadly Sin of Terrorism: Its Effect on Democracy and Civil Liberty in Six Countries. Westport, Conn: Greenwood Press, 1994. 341 p.
6. *Combs C.* Terrorism in the 21st Century. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 1997. 295 p.
7. *Cronin A., Ludes J.* (eds.) Attacking Terrorism: elements of grand strategy. Washington: Georgetown University Press, 2004. 320 p.
8. *Diamond L.* The Global State of Democracy // *Current History*. 2000. Vol. 99. N. 641. December. P. 402–418.
9. *Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Ithaca, N. Y: Cornell University Press, 2004. 137 p.
10. *Hanle D.* Terrorism: The Newest Face of Warfare. New York: Pergamon-Brassey, 2005. 207 p.
11. *O'Kane R.* Terrorism. Oxford: Blackwell, 2007. 454 p.
12. *Ronfeldt D.* Netwar Across the Spectrum of Conflict: An Introductory Comment // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1999. Vol 22, 3. P. 185–200.
13. *Singh B.* An Overview /Terrorism: An Interdisciplinary Perspective, ed. Yonah Alexander and Seymour Maxwell Finger. New York: John Jay Press, 1977. P. 3–18.
14. *Valeri L. and Knights M.* Affecting Trust: Terrorism, Internet and Warfare, in *Terrorism and Political Violence*. Spring 2000. Vol 12, 1. P.10–24.
15. *Wilkinson P.* Freedom and Terrorism / *Terrorism: Roots, Impact, Responses*, ed. Lance Howard. New York: Praeger, 1992. P. 137–164.